

Л.У. ТАРИЕВА
(Магас)

СЕМАНТИКА ЭРГАТИВНОЙ ФОРМЫ ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Предпринимается попытка семантического обоснования ингушского эргатива. Дихотомичность первого лица интерпретируется в терминалах интенциональности, интенциональности. Две формы первого лица, представленные на поверхностном уровне номинативно-абсолютивной и эргативной формами имени, на глубинном уровне оказываются обусловленными понятийной категорией постулированности/приобретенности, характерологической для данного эргативного в синхронном срезе языка.

Ключевые слова: эргатив, дейксис, «лицо говорящее», «лицо произносящее», интенциональность, антецедент, интенциональность, консеквент.

Прагматический аспект исследования личных местоимений первого лица как первичных слов, вступающих в отношения субъектно-объектной дистрибуции, может обладать объяснительной силой в вопросах расстановки стратегий (номинативной и эргативной). Для нас важно, что теория «языкового исполнения» (performance) ориентирована на динамику прагматических языковых процессов. В.З. Демьянков отмечает, что «в последние двадцать лет в западной лингвистической литературе преобладает взгляд на язык как на динамическую систему», на то, «как должно выглядеть языковедческое представление, репрезентация синтактико-семантической структуры высказывания, и только во вторую очередь связана с прогрессом в исследовании формальных свойств правил» [7, с. 369]. В ингушском языке на поверхностном уровне представлены два личных местоимения первого лица: в номинативно-абсолютивной форме *со/(я)* и эргативной форме *аз/(я)*. Первое лицо, на поверхностном уровне выраженное номинативно-абсолютивной формой имени, на глубинном [13; 14] представляет «лицо говорящее». Первое лицо, на поверхностном уровне обозначенное эргативной формой имени, на глубинном репрезентирует «лицо произносящее».

«Лицо говорящее» и дейксис – это два наблюдаемых компонента, определяющие лексическое значение местоименного существительного в номинативно-абсолютивной фор-

ме имени, которое может быть соотнесено с личным местоимением номинативных языков. Структура и иерархия ограниченной, но релевантной информации, отраженной в лексическом значении личных местоимений первого лица, дают основание отнести их к первичным словам, организующим пресуппозицию.

Под пресуппозицией здесь понимаются «предпосылки и предварительные условия, не входящие в языковое значение высказывания, но создающие основу для него и позволяющие достигнуть коммуникативной цели» [3, с. 90]. Эгоцентричное *со/(я)* и *аз/(я)* отражается в различных структурах системы ингушского языка.

Импликативные отношения: *аз (ERG) оал хIаьта со (NOM) лув* (если я произношу, значит, я говорю) (т.е. обладаю способностью) экспонируют генерацию понятийной категории постулированности и приобретенности в ингушском языке, при которой интенциональным антецедентом будет «лицо говорящее», на поверхностном уровне представленное номинативной формой имени. Интенциональность понимается нами как направленность сознания на объект, которая, как и интенция, должна «иметь языковые средства представления, или языковую репрезентацию, и в этом статусе составляет объект лингвистического описания» [8, с. 48]. Термины *антецедент* и *консеквент* использованы в следующих значениях: «(от лат. antecedent – предшествующий, предыдущий и consequens – следствие)» [9, с. 22]. Лингвистическое понимание данного термина таково: «2. Антецедент. лингв. Элемент предложения (обычно слово, сочетание слов), предшествующий указательному местоимению (или слову типа “данный”, “указанный”) и соотносящийся с ним по смыслу и грамматически» [10, с. 23].

На глубинном уровне «лицо говорящее» когнитивно маркируется как постулированная единица, как данность, т.к. представляет наличную базу, на которую направляется сознание и которая понимается. «Лицу говорящему» в ингушском языке противопоставляется «лицо произносящее» как приобретенность непосредственно здесь и сейчас в момент осуществления речевого акта в одно первое слово.

Дейксис как лексический компонент, указывающий на реальный объект действительности (на «лицо говорящее», антецедентность «лица говорящего» и его интенциональность, обусловленная наличием «наблюдателя») (или

созерцателя *хоалу саг/ homo sensus*)), порождает понятие априорности «лица говорящего» в ингушской речемыслительной деятельности, запуская механизм генерации понятийной категории постулированности. Термин *наблюдатель*, введенный Ю.Д. Апресяном [1, с. 25], в нашем случае коррелирует с одной из функций *хIама хоалуца сага/ homo sensus*/(человека чувствующего) [12, с. 6–8], в упаковку (т.е. комплекс качеств и свойств, присущих одушевленному денотату, маркированных речевым сознанием как данных априори) которого входит и функция «слышания» «лицом говорящим» самого себя.

Дейксис, указывающий на «лицо произносящее» в прямом смысле этого слова, его консеквентность, интенциональность, заключающаяся в том, что «лицо произносящее» зависит от значения «лица говорящего», порождает понятие апостериорности «лица произносящего», запуская механизм генерации понятийной категории приобретенности в ингушском языке. Общим в значении «лица говорящего» и «лица произносящего» является дейксис, указывающий на дихотомию лица. Именно общность данного дейксиса является семантическим основанием субъектной квалификации и «лица говорящего», и «лица произносящего» на поверхностном уровне:

Со (NOM) лув/(я говорю);

Аз (ERG) оал/(я произношу).

Противопоставленность компонентов лексического значения постулированных и приобретенных единиц – интенциональность / интенциональность, antecedентность / консеквентность, дейксис – указывает в первую очередь на референт, с которым соотносится «лицо говорящее». Общий, единый дейксис указывает также и «на лицо произносящее», актуализируя проблему референтно-референциальных отношений, возникающих между двумя синонимичными единицами языка: «лицом говорящим» и «лицом произносящим», морфологически обозначенными в языке номинативной формой имени *со (я)* и эргативной формой имени *аз (я)*.

Референтом выступает единица постулированной семантики, дифференцированная семемой интенциональности, antecedентной отнесенности, выделяемая на базе дейксиса, указывающего на реальный предмет объективной действительности – на носителя «лица говорящего».

Референт в данном случае – это актуализированный денотат реальной действительности, материальный предмет мысли, именуе-

мый в речевом акте, состоящем из одного первого слова – личного местоимения *со (я)*. Данный языковой знак, т.е. слово в абсолютивной форме *со (я)*, именуется внеязыковой объект, верифицируемый родовой отнесенностью (*со (NOM) в (я есть мужчина)*), в то время как субъект в эргативной форме *аз (я)*, возникающий на базе общего с абсолютивной формой имени дейксиса, является языковым знаком, именуемым референцию (*аз (ERG) в* – невозможно!), коррелирующую с абсолютивной формой имени (ср.: *аз язду (я пишу)* и *со яз деш ва (я пишущий есть)*).

Из двух функций, вызванных речевым актом в одно короткое слово *со (я)*, «говорение» осознается как данность референту априори, а «произнесение» – как свойство референции, «референта, впервые введенного в дискурс именной составляющей» [15 с. 166–170]. Референция представляется как «отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [2, с. 6]. Прагматически ситуация складывается таким образом, что речевой акт состоит из одной озвученной интенциональной именной составляющей *со (я)*. Сам факт совершения действия – «произнесения» – имеет место быть, однако данное действие при этой ситуации осуществлено, но еще не именовано. Кроме того, факт завершенности интенциональной субстанции *аз (я)* также свершился, однако эта субстанция в данной прагматической ситуации, обозначенная дейксисом, еще не названа: названа лишь номинативная форма, обозначающая наблюдаемый денотат (именован произнесением референт «*со (я)*»), а не референция «*аз (я)*»).

Исходя из принципа эгоцентризма, местоименные существительные первого лица осознаются первичными словами, связанными с восприятием и познанием человеком самого себя. Речевой акт в одно слово личное местоимение *со / (я)* обуславливает пресуппозицию: *аз аьлар – хьаьта со лув (я произнес, значит, я говорю)*. *Со (я)* – это референт, т.к. он интенционален, *аз (я)* – это референция, генерированная на базе обозначения референта наблюдаемого. В момент произнесения первого слова обозначается интенциональная сущность, которая наблюдается и на которую указывается, что она «говорящая». Другой информации при данном акте познания нет. Сам факт произнесения, т.е. осуществления свойства «говорение», генерирует интенциональную субстанцию, зависимую от «говорящей», т.е. ту, которая произнесла первое слово, вызвав к жизни

свойство «говорения», присущее интенциональной созерцаемой субстанции (*co* (я)).

Таким образом, интенциональная субстанция, обозначенная дейксисом как «лицо говорящее», есть реальный наблюдаемый объект действительности, представляющий собой упаковку свойств и качеств, из которых при речевом акте произнесения личного местоимения *co* (я) экспонировано на начальном этапе лишь свойство «говорение». Последнее представлено посредством произнесения, точнее каузировано (вызвано к жизни) лицом произносящим, выраженным на грамматическом уровне эргативной формой имени (*az* / (я)). Произнесение связано с интенциональным «лицом», совершившим свое первое каузативное действие в пространственно-временной действительности, характеризующим его как динамическую, действующую языковую единицу, именованную А. Гандалоевой активной, делающей [6, с. 73]. Таким образом, в языке возникает эргативное имя (*эргативный* – от греч. *ergates* ‘действующее лицо, деятель’) [11, 498].

Структура и иерархия информации, отраженной в лексическом значении личных местоимений первого лица, дают основание отнести их не просто к первичным словам, организующим пресуппозицию и потому отражающимся во всех структурах системы языка, но и квалифицировать их как актуализаторов, прежде всего, не грамматических категорий [4, с. 21–22], а понятийных (семантических): постулированности / приобретённости.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. М. : ВИНТИ. С. 5–33.
2. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции [Вступ. ст.] // Новое в зарубежной лингвистике: логика и лингвистика (проблемы референции). 1982. Вып. XIII. С. 5–40.
3. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32. №1. С. 85–95.
4. Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М. : Наука, 1985. С. 16–29.
5. Галгалай-эрсий дошлорг. Ингушско-русский словарь. Нальчик : Респ. полиграф. им. Революции 1905 г., 2009.
6. Гандалоева А. Галгалай мотт. Магас. : Изд-во «Сердало», 2009.
7. Демьянков В.З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет (Обзор II) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38. № 4. С. 369–372.

8. Заюкова Е.В. Семантика и прагматика интенциональности в языковой актуализации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.

9. Ивин А.А., Никифорович А.Л. Словарь по логике. М. : Туманит : ВЛАДОС, 1997.

10. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. М. : Рус. яз., 1998.

11. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1976.

12. Тариева Л.У. Междометия в системе частей речи ингушского языка. Назрань : Пилигрим, 2012.

13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М. : Прогресс, 1988.

14. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М. : Прогресс, 1981. С. 369–495.

15. Kantor R.N. Discourse phenomena and linguistic theory // Ohio State University Working Papers on Language OSUWPL 1976. № 21. P.161–188.

* * *

1. Apresyan Yu.D. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira // Semiotika i informatika. 1986. Vyip. 28. M. : VINITI. S. 5–33.

2. Arutyunova N.D. Lingvisticheskie problemy referentsii [Vstup. st.] // Novoe v zarubezhnoy lingvistike: Logika i lingvistika (problemy referentsii). 1982. Vyip. XIII. S. 5–40.

3. Arutyunova N.D. Ponyatie presuppozitsii v lingvistike. // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1973. T. 32. № 1. S. 85–95.

4. Bondarko A.V. K teorii funktsionalnoy grammatiki // Problemy funktsionalnoy grammatiki. M. : Nauka, 1985. S. 16–29.

5. Galgalay-ersiy doshlog. Ingushsko-russkiy slovar. Nalchik : Resp. poligraf. im. Revolyutsii 1905 g. 2009.

6. Gandaloeva A. Galgalay mott. Magas. : Izd-vo «Serdalo», 2009.

7. Demyankov V.Z. «Sub'ekt», «tema», «topik» v amerikanskoj lingvistike poslednih let (Obzor II) // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1979. T. 38. № 4. S. 369–372.

8. Zayukova E.V. Semantika i pragmatika intentsionalnosti v yazykovoy aktualizatsii (na materiale angliyskogo yazyika): dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2005.

9. Ivin A.A., Nikiforovich A.L. Slovar po logike. M. : Tumanit : VLADOS, 1997.

10. Kryisin L.P. Tolkoviy slovar inostrannyih slov. M. : Rus. yaz., 1998.

11. Rozental D.E., Telenkova M.A. Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov. 2-e izd., ispr. i dop. M. : Prosveshenie, 1976.

12. Tarieva L.U. Mezhdometiya v sisteme chastej rechi ingushskogo yazyika. Nazran : Piligrim, 2012.

13. Tener L. *Osnovyi strukturnogo sintaksisa*. М.: Progress, 1988.

14. Fillmor Ch. *Delo o padezhe* // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyip. X. *Lingvisticheskaya semantika*. М.: Progress, 1981. S. 369–495.

15. Kantor R.N. *Discourse phenomena and linguistic theory* // *Ohio State University Working Papers on Language OSUWPL 1976*. № 21. P. 161–188.

Semantics of the ergative form of the Ingush personal pronoun

There is made the attempt of semantic substantiation of the Ingush ergative. The dichotomy of the first person is interpreted in the terminals of intentionality, intensionality. The two forms of the first person, at the superficial level represented as nominative and absolutive and ergative forms of the name, are substantiated at the deep level by the conceptual category of postulation characteristic for the ergative in the synchronous section of the language.

Key words: *ergative, deixis, speaker, pronouncer, intentionality, antecedent, intensionality, consequent.*

(Статья поступила в редакцию 13.03.2013)

Г.Х. ЗИННАТУЛЛИНА
(Казань)

АПЕЛЛЯТИВНО-ОНИМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Рассматриваются функции и типы нарицательных имен, которые сопровождают имена собственные в тексте. В частности, анализируются этнонимы и различные комплексные наименования.

Ключевые слова: *имена собственные, комплексные наименования, функции, художественный текст.*

В процессе изучения функционирования имен собственных (ИС) в пространстве художественного текста особый интерес представляет их непосредственное «окружение», т.е. способ наименования литературных персонажей. С синтаксической точки зрения в данном случае речь идет о приложении – разновидности определения, когда в отношении определяющего и определяемого вступают имена су-

ществительные. Согласуемое существительное в этом случае может определять другое существительное с разных сторон: по названию (*город Москва, месяц март*), по функции, назначению (*судно-холодильник*) и т.п. [2, с. 57].

Кроме того, анализ особенностей употребления литературных имен показал, что личные и фамильные имена могут присоединяться к определяемому слову при помощи специальных сочетаний: по имени, по фамилии, по прозвищу, по кличке, под именем, под фамилией, под названием. Аpellлятивов может быть один или несколько, располагаться они могут как слева (*девочка Машиа*), так и справа (*Ленин, вождь мирового пролетариата*), а также «сопровождать» ИС с обеих сторон (*гражданка Голубева, зубной врач*).

Рассмотрим некоторые типы и функции аpellлятивных конструкций при антропонимах в тексте. Литературными источниками послужили произведения классиков татарской литературы А. Еники, Ф. Хусни и М. Амира.

Как комплексный идентифицирующий знак «аpellлятив + ИС» выступает в нескольких случаях. Прежде всего, это номинации в военной среде, т.е. номинативный блок «звание + фамилия», поскольку идентификация в данной социальной сфере не предполагает фамилии без звания и звания без фамилии (в отличие от неформального общения). Как показывает анализ исследуемых произведений, подобные конструкции встречаются довольно часто, причем не только в случае с персонажами-военными. Авторы регулярно используют сочетания аpellлятивов, указывающих на род деятельности персонажей. Причем аpellлятив может быть и в пре- и постпозиции: *прокурор Мөхсинов, наводчик Субаев, комиссар Павленко, полковник Ромашкин, капитан Журавлев, курсант Сидоркин, көтүче (пастух) Сафа* [6, с. 46–58], *кибетче (продавец) Ярхэм, чана карамалаучы Сабиржан, тегүче (портной) Зариф, моторист Касыйм, бригадир Шэймэк, волкомол секретаре Идрисов, волком секретаре Батталов* [5, с. 321, 226], *мэгариф бүлеге мәдире (начальник отдела образования) Касимова* [6, с. 46]; *Шакир бай, Сафа купец, Хэйдэр мэзин, Хафиз хэлфэ, Искэндэр ахун* [4, т. 4, с. 22–53].

К комплексным наименованиям в тексте можно отнести и маркеры категории вежливости, т.е. такие слова, как *господин, госпожа* и т.д., которые также называются обращениями. В татарском языке подобных об-